

ОЛЕГ ШЕВЧЕНКО

ТРИУМФ ВЛАСТИ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ
ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Олег Шевченко

**Триумф власти.
Советская историософия
Ялтинской конференции**

«Алисторус»

2019

УДК 94(470+571)
ББК 63.3

Шевченко О. К.

Триумф власти. Советская историософия Ялтинской конференции
/ О. К. Шевченко — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907255-27-2

В феврале 1945 года в Крыму состоялась Ялтинская конференция – встреча лидеров трёх стран антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании. Впервые будет рассказано о том, как в процессе серьезной конкурентной борьбы за геополитическое доминирование в годы Холодной войны Советский Союз активно использовал исторические свидетельства (фотографии, документы, воспоминания и прочие) Ялтинской конференции. Книга базируется на тщательном и детальном анализе архивных данных, библиографических редкостей и иных документов советской эпохи.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3

ISBN 978-5-907255-27-2

© Шевченко О. К., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Шевченко

Триумф власти. Советская историософия Ялтинской конференции

Посвящается моим критикам-оппонентам, которые своей многолетней и плодотворной работой способствовали появлению данного текста и без язвительного скепсиса которых он так и остался бы мечтаниями молодого ученого.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма в 2019 году».

© Шевченко О. К., 2019

© ООО «ТДА», 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Введение

Триумф – блестящий успех, торжество...
Сергей Ожегов

Ялтинская конференция 1945 года – это последний международный форум с участием ведущих держав Объединенных Наций в доядерную эпоху. С ее окончанием завершился не просто очередной раунд дипломатических отношений между странами Антигитлеровской коалиции, но полностью исчерпал себя запас дипломатии Старого мира. Того самого мира, который ковался в Вестфалии в 1648 году, ярко проявлял себя в Париже в 1814-м, 1856-м и 1919-м годах. Ялтинская конференция 1945 года ознаменовала окончание тотальной европейской гегемонии и поставила ребром вопрос об объединении разнообразных стран на разных континентах в единую организацию. Организацию, сочетающую в себе решение экономических, политических, социальных и военно-полицейских проблем. Аккуратный зондаж этого вопроса на предыдущих встречах, как глав Большой Тройки, так и их полномочных представителей, завершился в Ялте проработкой конкретных документов, обеспечивающих технические детали осуществления этой идеи. Речь шла уже не о декларациях, хоть и стратегического характера, но совершенно необязательных к выполнению, а о практических нюансах работы создающейся Организации Объединенных Наций. Именно Ялта-45 стала осью, вокруг которой завертелся послевоенный мир. Именно в Ялте-45 были заложены многочисленные минные поля для будущих политических игроков на планете Земля: право вето членов Совета Безопасности ООН, новые границы между Польшей и Германией, территориальные приращения СССР на Дальнем Востоке за счет Японии, принципы политического обустройства послевоенной Восточной Европы, введение в ООН, как теоретически самостоятельных игроков, УССР и БССР. Перечень можно было продолжать на многих страницах. Ясно одно, в Ялте были сформированы основы нового миропорядка. Причем на самом кануне появления ядерного фактора в мировой политике. Потсдам-45 лишь подтвердил ялтинские договоренности и жестко обозначил те минные поля, которые в феврале 1945 года смотрелись скорее как задумка лидеров Большой тройки, а летом того же года они стали фактором, с которым уже приходилось работать дипломатам разного уровня. И ядерная «дубинка для русских парней» никоим образом не изменила вектора движения геополитического экспресса, пущенного в феврале 1945 года, еще в безъядерную эпоху, на излете Вестфальско-Версальской системы мироустройства.

Обозначу¹ те факторы бытия геополитического универсума, которые стали с 1945 года определять новые нормы для мирового сообщества.

Во-первых, это фактор времени. Творцы «Ялтинской системы координат» неоднократно подчеркивали, что создают временную структуру, целью которой являлась бы ликвидация возможности войны в Европе хотя бы на 50 лет. Об этом, пожалуй, одним из первых заявил американский президент – Ф. Рузвельт – 6 февраля 1945 года в Большом парадном зале Ливадийского дворца во время пленарного заседания, посвященного вопросам будущей ООН¹. Чуть позже глава СССР И. Сталин, вступив в жесткую полемику с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, привел как аргумент в пользу своей точки зрения фразу Рузвельта о 50 годах мира и безопасности, дав понять, что полностью разделяет его, американского президента, видение проблемы². Черчилль промолчал, что, признаться, делал он крайне неохотно и редко. А спустя два дня, 8 февраля 1945 года, на дипломатическом обеде в Юсуповском

¹ *Ялта-45. Начертания нового мира.* М., 2010. С. 108.

² *Там же.* С. 115.

дворце (поселок Кореиз) он в присущей ему экспрессивной манере поведения заявил свою точку зрения в форме застольного тоста:

«Я должен сказать, что еще ни разу за всю войну, даже в самые мрачные периоды, я не ощущал на себе такой большой ответственности, как сейчас на этой конференции. Теперь, по причинам, на которые указал маршал, мы понимаем, что достигли вершины холма и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через 5–10 после войны расходились в разные стороны. Миллионы тружеников двигались, таким образом, по замкнутому кругу, падая в пропасть и затем снова поднимаясь лишь благодаря своим собственным жертвам. Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. Люди жаждут мира и радости. Соединятся ли вновь семьи? Вернется ли воин домой? Будут ли восстановлены разрушенные жилища? Увидит ли труженик свой дом? Защита своей страны – доблестное дело, но перед нами еще большие задачи. Нам предстоит претворить в жизнь мечту бедняков, чтобы они могли жить в мире, охраняемые нашей непобедимой мощью от агрессии и зла. Я возлагаю свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина, в которых мы найдем поборников мира и которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях. Мы неослабно будем поддерживать ваши усилия. Маршал говорил о будущем. Это самое главное. В противном случае океаны крови окажутся напрасными и поруганными. Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира»³.

Во всей этой яркой речи философски и литературно одаренный британский джентльмен обозначил обычный предел мирных усилий после больших войн – 5–10 лет. Он однозначно желал и активно предпринимал усилия в Ялте, чтобы этот рубеж был преодолен, но как опытный интриган и коварный представитель парламентской демократии Британии отказывался говорить о верхней рамке мира. Впрочем, вся его речь была завязана как на поколении, прошедшем войну, так и на том, которое родилось непосредственно во время этой войны или сразу же после нее. Тем самым У. Черчилль дал понять, что рассчитывает на одно-два поколения мира, что вполне соответствует лапидарной точности прогноза Ф. Рузвельта и И. Сталина. О вечности или столетиях не грезил никто.

Во-вторых, это фактор Объединенных Наций. Ялтинская конференция прошла под знаком объединения свободных наций (в том числе и СССР!) на единой игровой площадке. На разных этапах переговорного процесса эта площадка называлась по-разному: и Объединенные Нации, и Организация Международной Безопасности – не суть важно. Речь шла о глобальном представительстве наций в создаваемом всемирном политическом клубе. Впервые в истории мира ключевыми игроками общепланетарной организации должны были стать страны Востока и Латинской Америки. Более того, в «Высшую лигу» с правом вето впервые приглашались Китай и СССР. Через три месяца после старта проекта «ООН» в г. Ялта на другом континенте в г. Сан-Франциско была созвана Конференция Объединенных Наций по созданию международной организации с участием представителей 50 государств, представлявших 80 процентов жителей планеты Земля. Никто и никогда не забывал, что без Ялтинской встречи Большой Тройки и без согласованных усилий по созданию столь сложной организации идея Объединенных Наций получила бы карликовое воплощение в формате настоящего дипломатического «недоразумения», подобного печально известной Лиге Наций (1919–1946 гг.), которая не столько способствовала миру, сколько его подтачивала, не столько объединяла нации, сколько обостряла противоречия между ними.

³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 521.

В-третьих, фактор границ. В Ялте были установлены новые границы в Европе и Азии. Границы, которые и по сей день остаются актуальными как для стран, сохранивших свою государственность, так и для правопреемниц уже не существующих держав. Сменялись политические режимы, изменялся социальный строй, отдельные регионы объединялись и распадалась, менялись внутренние кордоны, но внешние границы остались и остаются неизменными с 1945 года. Это касается таких стран, как: СССР (в настоящий момент «Ялтинские границы» являются внешними границами Украины, Белоруссии и Российской Федерации), Польша, Федеративная Республика Германия, Япония. Помимо этого на конференции отрабатывались нюансы о территориальных проблемах на югославско-австрийской и югославско-итальянской границах. Уточнялись вопросы о статусе Ирана и Монголии.

По итогам Ялтинской встречи границы в Европе и Азии существенно трансформировались, а с изменением государственной принадлежности территорий более 5 миллионов человек эмигрировали со своей малой Родины на Родину большую. Не меньше людей сменили гражданство, а их дети и внуки поменяли язык, культуру, вступили в межэтнические браки и растворились в новой национальной среде, куда были включены их территории (наиболее яркий пример этому – ситуация с включением в состав Польши значительных частей «немецкой» Силезии)⁴.

В-четвертых, была закреплена идея доминирования отдельных мировоззренческих, социально-экономических и политических систем на определенных территориях. То есть были сформированы четкие сферы влияния в Европе и Азии (Африка, Латинская Америка, Ближний и Средний Восток за исключением отдельных четко локализованных пространств были оставлены без жесткой привязки к той или иной системе). Именно распространение влияния СССР посредством коммунистической парадигмы от Австрии до Монголии (включая поддержку ряда мощных антиправительственных организаций на Ближнем и Среднем Востоке, активное участие, практически доминирование в китайском вопросе) явилось наиболее дискуссионной частью результатов Ялтинского мира в западном истеблишменте. Именно создание Советским Союзом пояса безопасности из дружественных и лояльных к нему стран до сих пор вызывает основную критику как наших отечественных ультралибералов, так и большинства западных политиков, от правых до левых включительно.

Представленные четыре фактора явились глобальными китами, на которых держался Ялтинский мир. В 1991 году один из творцов этого мира – СССР – прекратил свое существование. Символично, что произошло это спустя 46 лет после Ялтинских встреч. Одновременно рухнула его сфера влияния – четвертый столп Ялтинской мировой сетки координат.

Распад Чехословакии и объединение Германии нанесли удар по духу Ялтинских договоренностей² (закрепленных серьезным международным Хельсинским договором о нерушимости границ в Европе). Третий столп был основательно раскачан и нравственно дискредитирован.

Серия Югославских войн 1991–1999 годов поставила под сомнение уже второй столп – международную систему безопасности. Агрессивная, захватническая война сил НАТО в нарушение устава ООН (Ирак – 2003–2011), а также масштабные искажения принятой резолюции ООН, превратившие гражданскую войну в интервенцию сил НАТО против суверенной державы (Ливия – 2011), окончательно дискредитировали смысл бытия Международной организации по обеспечению безопасности. Второй столп еще не разбит, но уже повален.

Спустя 50 лет после Ялтинских встреч построенный дипломатическим гением Большой Тройки мир рухнул. Фактически от него остались отдельные обломки, которые в силу своей величины и красоты создают имитацию жизни, но сколь-нибудь серьезной роли не играют.

⁴ Шевченко О. К. «Границы Ялты»: социокультурный срез Силезии, присоединенной к Польше в 1945 г. // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: матер. науч. конф. Симферополь, 2010. С. 286–292.

Ныне формируется новый мировой порядок, который создается динамичными региональными суперструктурами: НАТО, ЕС, ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Это уже новый мир с другими правилами игры. Тем необычайной и пикантной было наблюдать в канун 70-летия Ялтинской конференции массовые заявления о необходимости создания «Ялты-2». Рассуждения о важности и необходимости проведения авторитетного международного форума по созданию новых правил игры в изменившемся геополитическом континууме. Ажиотаж был крайне высок как со стороны публицистов, так и со стороны политиков... Вот только сколь-нибудь серьезных исторических или политологических работ, посвященных анализу того, что же все-таки всех восхищает или, наоборот, угнетает в прежнем «Ялтинском мире», так и не было. С начала двухтысячных годов, по крайней мере, в русскоязычном пространстве так и не было опубликовано ни одной солидной монографии или толкового научно-популярного издания, посвященного Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. В большинстве (абсолютном большинстве!) вышедших в канун юбилея научных статей эксплуатировались образы, созданные в эпоху Советского Союза. Основные ссылки делались на документы, опубликованные опять-таки в Советском Союзе, ссылались на теоретические работы, либо опубликованные в Советском же Союзе, либо на те тексты, которые всего лишь пересказывали разработки, опубликованные в том же Советском Союзе. И это при том, что полноценного анализа созданного советскими экспертами образа Ялтинской конференции так никто и не проводил... кроме самих же советских экспертов и опубликованных же в Советском Союзе, да и то в очень и очень скромном объеме. Материалы советского периода осмысления ЯК использовались, факты учитывались, теории брались на вооружение всеми от блогеров до министров, от студентов до академиков, а понимания того, что берется, для чего и как оно было создано – не было и нет. По крайней мере, мне не известно в этом плане ни одного специализированного труда больше кратких тезисов, оригинальней заунывно-парадной статьи к очередному юбилею или набора штампов в разделе многотомного издания.

Учитывая роль советской даже не историографии, а комплекса исторических, философских и политологических (с серьезными элементами политтехнологии и дипломатического шантажа) разработок в области Ялтинской конференции, понимая и осознавая то влияние, которые они оказывают не просто на кабинетных ученых, но и на действующих политиков, *считаю актуальным и необходимым – подвергнуть системному анализу историю советского освоения исторического события Ялта-45.*

В приведенных ниже главах речь пойдет не столько о самой Ялтинской конференции как историческом событии, сколько о системе использования СССР остатков этого события (фотографий, документов, воспоминаний и прочего) в серьезной конкурентной борьбе за геополитическое доминирование в годы Холодной войны. Система включала в себя формирование устойчивых структур (в терминологии автора *субуниверсалий власти*), сотворения единого и многогранного образа Ялтинских событий (*тело универсалии власти «Ялта-45»*). Данный процесс шел в рамках усилий власти по формированию определенных стратегий понимания исторического события, а следовательно, речь идет именно об универсалиях и субуниверсалиях власти. По большому счету создавался своеобразный симулякр, призванный заменить реальность, которая исчезла из предметного мира, став прошлым и трансформировавшись в память о прошлом. Надо отметить и даже настойчиво подчеркнуть, что этот процесс шел параллельно с такими же усилиями англо-американских интеллектуалов по использованию Ялты-45 в своих не менее корыстных властных играх. Иногда эти процессы пересекались, и тогда начиналось их взаимное осуждение и дискредитация, причем, насколько можно судить, советские эксперты знали работы своих визави по другую сторону Железного занавеса куда как лучше, чем англо-американские профессора труды советских специалистов. Но это тема отдельного блока монографии, который позже, если позволят обстоятельства, будет развернут в самостоятельное сочинение.

Настоящая книга состоит из семи глав. *Первая глава* – сугубо методологическая. Ее цель ввести читателя в авторский замысел, ознакомить с его, автора, гипотезами, постулатами и аксиомами; дать возможность освоиться читателю с авторской лексикой и ракурсом зрения на заявленные проблемы. Во *второй главе* будут пунктирно очерчены ключевые для советского дискурса «Ялта-45» подходы к самоосмыслению собственных текстов. Это, конечно же, не чистая историография, ибо идеи, концепции и приемы, которые создавались в этих целях, всегда появлялись в рамках конкретного проекта, связанного с международной деятельностью или с корректировкой собственной идеологии, и несли на себе печать не столько исторической науки, сколько политологии, философии и публицистики. «Чистой историографии», как раздела исторической науки в рамках советских, российских или украинских штудий, Ялтинская конференция не знала и не знает поныне. В *третьей главе* будет прослежено влияние геополитического фактора на становление историософии Ялтинской конференции. В *четвертой главе* будет детально проработана источниковедческая база советских экспертов по Ялте-45, уточнены этапы ее формирования и специфика публикации. В *пятой главе* подробно и тщательно будет вскрыта технология создания нужного власти Ялтинского образа. *Шестая глава* посвящена большой роли крымской публицистики в изучении «Ялтинского мира». В 1945 году крымская публицистика играла серьезную роль в дипломатических играх, в 70-е она зачастую публиковала знаковые «Ялтинские тексты» до их появления в Больших Книгах. Многочисленные участники Ялтинской конференции в 80-е годы с охотой давали свои воспоминания. А учитывая, что в то же время в Крым прибывало до 10–11 миллионов туристов (в том числе и иностранных) в год, то влияние крымской прессы на создание имиджа Ялты-45 переоценить трудно. В *седьмой главе* будет схематично прослежено влияние историософских концепций советских ученых на конкретные работы российских и украинских специалистов в 1991–2013 годах.

* * *

Я в полной мере осознаю слабые стороны своего текста, но тем не менее считаю возможным опубликовать его в данном несовершенном виде. Нельзя объять необъятное, как невозможно избежать некоторых естественных болезней роста. Данная книга представляет собой первую попытку монографического исследования феномена «*советского текста о Крымской конференции 1945 года*». При этом речь идет не о локальном историографическом или библиографическом исследовании (которых, кстати говоря, до сих пор не существует ни в виде брошюр, ни в форме монографий), а об исследовании в формате историософском. Очевидно, что не все источники будут в должной мере отражены в тексте (ведь они впервые комплексно собираются в рамках одного издания), как и не все гипотезы получат фундаментальное теоретическое обоснование (ведь первая монография, открывающая научную дискуссию, не может быть одновременно окончательным и последним словом этой самой дискуссии). Во многих случаях возможно, будет говорить лишь языком постулатов и авторского видения проблемы. В силу этого я использую следующий метод изложения материала. В начале главы я излагаю свои постулаты и гипотезы, формируя поле возможного. В рамках второго этапа на конкретных фактах отрабатывается сформированное информационное поле и предлагается теоретическая схема. Отдельные элементы этой схемы могут так и остаться постулатами или получить косвенное подтверждение, переходя в формат гипотезы, а некоторые элементы будут образовывать железобетонные блоки истины, скрепленные как обилием фактического материала, так и выводами иных исследователей этих элементов системы.

* * *

Данное издание книги, не меняя концептуальных выводов, представленных на суд читателя в электронной публикации и небольшом тираже регионального издательства 2018 года, значительно усовершенствованно с точки зрения технических моментов (заново сверенны и существенно улучшены ссылки, введены положения, которые раскрывают более широко отдельные тезисы, ранее опубликованные в значительно сжатой форме). Также в настоящем издании добавлен ряд новых источников, приведены важные для понимания заложенных в тексте смыслов иллюстрации.

* * *

Я выражаю признательность старшему научному сотруднику Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук Дмитрию Викторовичу Суржику за активное участие в судьбе монографии, заведующей сектором краеведческих изданий и библиографии отдела краеведения Крымской республиканской универсальной научной библиотеки Надежде Яковлевне Максимушкиной за помощь в работе с краеведческими изданиями, а также советнику таможенной службы I ранга Боровикову Глебу Валентиновичу за помощь в поиске редких изданий, посвященных Ялтинской конференции. Благодарю многолетнего заведующего отделом «Крымская конференция 1945 года» Ливадийского дворца-музея Шамрина Олега Александровича за предоставленный им ряд печатных материалов, носящих характер библиографических редкостей, и выражаю признательность доктору политических наук, профессору, в настоящий момент проректору по международной деятельности и информационной политике Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Сергею Васильевичу Юрченко за представленные им библиографические списки.

Ялта, 2009–2010;

Ялта, Симферополь, Евпатория, 2010–2019.

Глава 1

Анатомический театр власти (пролегомены к историософии Ялтинской конференции)

Шум дерева создают не плоды, а листья.
Андрей Годына

Пожалуй, нет ни одного человека, который хотя бы раз в своей жизни не произнес слово «власть»³. Как нет, наверное, ни одного ученого из сферы социально-гуманитарного знания, который бы ни разу не употребил это слово в своей лекции, монографии или статье. Гораздо меньше тех, кто задумывался над понятием «власть», и практически нет тех, кто, используя стройную концепцию «власти», плодотворно занимался бы ее историей. Удивительный факт! Во всем многообразии книг, статей, тезисов, интервью, посвященных власти, отсутствует качественный блок истории власти. История политики – есть, история государства – есть, история права – есть... существует даже история биополитики...⁵ а вот истории власти – нет. Можно, конечно, сослаться на того же М. Фуко, как творца пусть и не истории власти, но уж биовласти – точно. Однако французский мыслитель создавал не столько историю власти или биовласти, сколько историю того, «каким образом социум... стал принимать в расчет данный фундаментальный биологический факт: человеческий род есть человеческий вид животного царства»⁶. А власть в более широком смысле – это некий симбионт государства, экономики, сексуальных отношений. Это «совокупность механизмов и процедур»⁷. А значит, история власти может рассматриваться исключительно контекстуально, например, в рамках истории экономических преобразований, при этом власть может выступать как следствием, так и причиной изучаемых процессов⁸. Учитывая приведенные точки мысли М. Фуко, стоит отметить, что ни сам М. Фуко, ни его последователи отнюдь не склонны были создавать какие бы то ни было конструкции *истории власти* как самодостаточной бытийствующей реальности.

Еще раз обозначу и подчеркну ключевой момент изложенной мысли – нет истории власти и только власти, базирующейся на развернутой и строгой теории власти, построенной по четким правилам научной или философской методологии⁴.

В рамках интернет-дискуссии, которая развернулась на одном из интернет-ресурсов по поводу моей статьи, некто под псевдонимом «Скарамуш» так прокомментировал отсутствие истории власти: *«А смысл? Власть – это абстракция. Объективно власть не существует. Объективно существуют властные отношения, властные институты, носители власти, учения о власти и т. д. Плюс виртуальная дефиниция и субъективное ощущение, связывающее все эти разноплановые явления. Выделить все это в тему для исторических изысканий, конечно, можно, но это не интересно и не актуально. Получится что-то вроде „Истории изменения человеческих представлений о власти и ее природе“. А это не интересно без прилагающейся исторической фактуры. А если мы берем фактуру, то придется помахать ручкой*

⁵ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010. С. 38–39.

⁶ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 13.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 15.

кросстемпоральным методам из-за возрастания объемов работы в геометрической прогрессии»⁹.

Коллега точно и ярко обрисовал суть проблемы. Более того, представляется, что на основе изданных в России исторических работ, посвященных власти¹⁰, историки оценивают власть именно как абстракцию, не существующую в объективной форме⁵. Для них это либо удобное и броское слово, либо конкретные властные отношения, носители власти и т. д. При этом возникает вопрос. Если существуют носители власти, то с необходимостью должно же объективно существовать и то, что носят, чем владеют, что используют? Если есть властные отношения, то обязательно существует и то, что обеспечивает эти отношения. Иначе, следуя логике коллеги – существуют производственные отношения, а само производство – это абстракция, не существующая в реальности. Последнее утверждение более чем абсурдно. Впрочем, тут я вторгаюсь в старый спор относительно того, имеет ли власть субстанциональный характер или нет¹¹. Является ли власть только способностью, отношением или чем-то более материальным и наукометричным? История этих столкновений прекрасно описана в соответствующей литературе¹². Но для меня и для тебя, читателя, важно другое. При помощи чего мы можем изучать власть? То, что имеются некие властные воздействия, – очевидно. Также очевидно, что мы их ощущаем, воспринимаем и даже используем. Но что позволяет нам анализировать власть, экспериментально проверять наши теории, соотносить наши концепции с реальностью? При этом не путать управление, политику и волю с собственно властью? В текущей жизни это невозможно, о чем и говорит известная «размытость» смысловой сферы бытового, так сказать, стихийного употребления слова «власть».

Наша повседневная реальность представляет собой туго переплетенный канат всех указанных форм/способов бытия власти. И расцепить мы ее можем только тогда, когда выйдем из этой повседневности в иное измерение. Когда поместим обрубки каната в иную реальность, где спокойно и неторопливо сможем распутать так тесно переплетенные между собой нити политического влияния и волевого акта личности, политической интриги и сценариев власти.

Это пространство должно позволять нам проводить эксперименты, предоставлять возможности снова и снова, пусть и в ходе мысленного эксперимента, вязать узлы смыслов, осуществлять новое переплетение нитей, раз за разом нащупывая верное решение, которое коллеги (и это очень важно!) могут неоднократно повторять, следуя нашим инструкциям, подтверждая тем самым верность нашей теории, постулата или просто частного мнения. Изменчивый хаос настоящего такой возможности предоставить не может. Но может предоставить прошлое, ведь оно – великолепная лаборатория для специалистов в социально-гуманитарных науках⁶.

Показательно, что не существует такой подготовленной площадки для познания властной специфики в историческом плане. Для познания государства или тирании есть необходимая отточенная процедура и готовые комплекты фактов, а вот для власти нет. Но ведь если что-то существует, то оно существует не только как-то и где-то, но и когда-то. Поэтому на фоне тотального отсутствия истории власти нам под видом властной реальности предлагают изучать

⁹ Шевченко О. К. Теории власти, которых еще нет (об открытом и закрытом знании в современной науке) // Журнал «Самиздат» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/comment/s/shewchenko_o_k/vlast?&COOK_CHECK=1

¹⁰ Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М., 2001; Цатурова С. К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002; Священное тело короля: ритуалы и мифология власти: сборник статей. М., 2006; Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007; Хачатурян Н. А. Власть и общество в западной Европе в Средние века. М., 2008; Астапова О. Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля. М., 2017.

¹¹ Новиков В. Т. Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ / В. Т. Новиков, О. В. Новикова // Философия и социальные науки. 2011. № 3/4. С. 41; Желтов В. В. Теория власти. М., 2013. С. 27–39.

¹² Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 25–59.

«*нечто*» вечное, «*нечто*» с вариациями в формате «*как-то*», которые, в свою очередь, зависят от формата «*где-то*», но обязательно при неизменном «*что-то*». Данный подход хорош для изучения действительно вечного, например проблемы Бога в догматическом богословии, но отнюдь не реальности вешной и мирской. Ведь без истории *чего-то* (трансформации «*что-то*» в разнообразные форматы) нет мирской реальности, а существует только надмирная, горняя, истинно вечная и совершенная⁷.

Когда я говорю об истории власти – имеется в виду не *история представлений о власти*, а история самой что ни на есть власти. История как изменения власти в разнообразных условиях под воздействием разнообразных факторов. История не дефиниций власти, а реальности-власти, которую эта дефиниция власти пытается «ухватить». Речь идет не об истории лексического термина, а о реальности-власти, которую термин-власть пытается зафиксировать. И в данном случае не важно: рассуждается только об отношениях или о чем-то более предметном и материально измеряемом. Тут ключевая мысль – отсутствие в наших научных и философских традициях истории *бытия власти* (не государства, не политики, управления, не права, а именно *власти*).

В чем здесь дело? Отчего так произошло? Быть может, речь идет об искусственном искажении, целенаправленном заговоре историков? Отнюдь. Факт отсутствия истории власти представляется вполне естественным и обыденным. *Ибо прошлое – это основное пространство бытия власти*. Звучит несколько запутанно, но тем не менее менять формулировку не собираюсь. Лучше укажу на свои соображения по данному поводу.

Одной из корневых проблем в этом аспекте является признание принципиальной *темпоральности* власти. Вернее, пространственно-временная определимость власти посредством ее темпоральности и пространственной, измеряемой предметности. Вероятно, уместно здесь употреблять термин *хронотопность* власти. То есть, согласно основателю и в известной мере создателю этого термина, такой реальности, которая понимается не как некий реестр точек-событий, а в формате пространственно-временных реалий, когда точки-события понимаются как «*живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а „мировые линии“, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего*»¹³. Но, как показал опыт Бахтина, учет и фиксация хронотопности возможны только при осознании отдельного микрокосмоса со своими законами, присущими объекту анализа, для Бахтина – романа¹⁴, для нас – власти. Даже если мы говорим о власти «просто» как о некой мысли, то и тогда мы обязаны говорить о ее географии обитания (любая мысль имеет свой географический ареал¹⁵), а значит, неизменно вводить как процедуры ее темпоральной, так и пространственной определимости.

Власть как реальность никогда не существует в настоящем, она располагается либо в будущем, либо в прошлом. Человек, социум, государство, Генеральный секретарь ООН, сантехник с улицы Мате Залки г. Симферополя – все они попадают в поле власти только с того момента, когда осознают себя включенными в процесс власти, когда вступают в игру «господин и раб», либо в более мягкой форме в отношения «господства и подчинения». Но процесс власти не может начаться спонтанно с неуловимого мгновения настоящего, он всегда начинается *когда-то* (прошлое) и завершается *когда-то* (будущее). Будущее при этом всегда крайне смутно, но вот прошлое, как источник власти, всегда открыто участнику власти. Другое дело, как фиксируется это *когда-то* (прошлое). Тут может иметь место понимание, сформирован-

¹³ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002. С. 342.

¹⁴ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М., 2012. С. 340–512.

¹⁵ Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М., 2012. С. 205.

ное участником власти самостоятельно, а может иметь место и понимание, навязанное извне (достаточно вспомнить политические карьеры таких «удачливых» властелинов, как Б. Муссолини и А. Гитлер, которые во многом обрели власть благодаря навязыванию массам своего понимания прошлого).

XX век продемонстрировал небывалый триумф технологий, усиливающих контроль над фиксацией прошлого ради текущих политических задач. Прошлое стало ареной ожесточенных войн, и победитель получал возможность манипулировать массами участников властного процесса, не воздействуя на предметные материальные интересы участников напрямую, а работая с прошлым как пространством бытия власти и в результате получая нужный материальный эффект в настоящем. Речь идет не просто об идеологии или политической манипуляции, а о системной работе по трансформированию и созданию новых реальностей бытия власти, их столкновений по всей линейке информационных позиций от телевидения и кинематографа до научных статей и сборников документов.

В этом смысле *хронотопность* власти – это всегда мертвое прошлое. Она, власть, не имеет жизненных сил и не может проходить по реестру живого, динамичного, открытого. Власть и бытие власти – это мертвое прошлое, которое получает *псевдожизнь*⁸ во властном процессе настоящего. Она получает иллюзорную жизнь лишь в нашем ситуационном понимании, что есть власть и где Я есть в этой власти. Это мертвые клетки, которые Человек с усилием забрасывает в будущее. И когда такое будущее приходит, то процесс нашего осмысления, понимания, восприятия власти становится прошлым, мертвым прошлым власти.

Процесс власти превращается в мертвую статику истинного бытия власти, которую в следующее мгновение мы гальванизируем ради сиюминутных интересов⁹.

Этот постулат, с моей точки зрения, характерен для всех участников властного процесса. Другое дело, что понятия «прошлого» и «настоящего» для сантехника с улицы Мате Залки г. Симферополя и государства – СССР – будет разным. И вот тут-то возникает возможность изучить указанный постулат при помощи эмпирических наблюдений. Подтвердить его или опровергнуть. То есть – искусственно создать «анатомический театр власти», проследить, как сменяется псевдоживое (процесс власти) на мертвое (бытие власти). Каким образом проявлялась хронотопность или даже *хронотипность* власти. Последняя понимается «как сложноорганизованная система сложившихся в данной культуре коллективных представлений, закрепленных в различных культурных формах, презентирующая свойства и характеристики времени, имеющая целостно-смысловую наполненность и регулирующая различные аспекты человеческого поведения»¹⁶. Это позволит, употребляя пафос М. Хайдеггера, вырвать понятие «власть» у реальности. Процедуры, неотрывно связанные с историчностью, которая, в чем, надо признать, был совершенно прав Хайдеггер, является обязательным условием наблюдаемости бытия, как того, что лежит в основе бытия¹⁷. Для этого в технологическом смысле нам нужно изучить именно уже прекратившийся процесс. Уже ставший бытием власти. Ведь, чтобы понять псевдоживое, надо изучить мертвое, чтобы понять движение, нужно увидеть статику. Для этого и была выбрана Ялтинская конференция 1945 года и все те элементы власти, которые с ней связаны¹⁰. И первым теоретическим инструментом в этом анатомировании послужит *тело универсалии власти «Ялтинская конференция»*.

Ялтинской конференции 1945 года, по моим подсчетам, только на русском и украинском языке посвящено более 500 исследований. Однако в абсолютно подавляющем своем количестве (свыше 90 %) это тексты, которые имеют исторический и публицистическо-политологический дискурс. До сих не было попыток применить к анализу Ялты-45 методики антропологиче-

¹⁶ Иливицкая Л. Г. Время и хронотип: новые подходы и понятия: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Иливицкая Л. Г. Саранск, 2011. С. 14.

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. С. 19–20.

ского постижения истории или же оценить дискурсивные возможности Ялты-45 как феномена власти, и уж тем более не шла речь об ее инкорпорации в пространство истории власти. В этом смысле исследования относительно универсалий в лингвистике крайне полезно использовать в анализе исторического события «Ялта-45». Речь идет о том, что многочисленные специалисты, посвятившие свои работы ялтинским переговорам, постоянно обращали внимание на тот факт, что достигнутые на них договоренности стали основанием, фундаментом Нового мира. «Ялтинская система координат», по мнению разных специалистов, просуществовала до 70–90-х годов XX века¹⁸. А следовательно, «Ялта-45» не может не являться значительной универсалией, то есть ключом к типовым аспектам власти, который проявляет специфику властных отношений во всех известных кратологических¹¹ событиях XX века. В противном случае все рассуждения о «Ялтинском мире», «Эпохе Ялты», «Ялтинском синдроме» не стоят и медного гроша.

Что же такое *универсалия* в классическом, философско-смысловом варианте этого слова? Напомню, что универсалия – это общее понятие. Но в ее понимании есть две антагонистические трактовки. Одна из них говорит, что общее понятие существует в действительности, более того, общее понятие – это единственная возможная реальность. К таковой точке зрения склонялись реалисты. Их противники номиналисты утверждали, что общее понятие – лишь слово, которое обозначает многие вещи¹⁹. На первый взгляд (да и на второй тоже) заявленные параметры слишком уж философичны и далеки от Ялтинской конференции. Но это далеко не так. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года – это событие, которое существует в реальности? Или всего лишь имя для некоторой общей совокупности фактов? Вопрос банален, но от этого не становится менее острым. От ответа на него должна зависеть вся стратегия исследователя или программа-максимум для носителя той или иной универсалии в своем ментальном мире¹².

Ответ, что «Ялта-45» – это реальность, наталкивается на каскад дополнительных вопросов. Начиная от детского: «Дай посмотреть», до вполне респектабельного: «Как может быть то, что уже стало прошлым?» И действительно, как может быть реальностью аббревиатура? Или вопрос не в сочетании гласных и согласных букв? Быть может, вопрос в образе? В символе? Учитывая, что Ялтинская конференция чему-то учит, на что-то заставляет надеяться, кому-то мстит, кому-то противостоит, служит чему-то – однозначно следует сделать вывод о реальности такой универсалии. Более того, универсалии очень активной, живущей напряженной жизнью, являющейся неотъемлемым атрибутом дня сегодняшнего.

Номиналисты говорят лишь о слове, объединяющем некоторые предметы. В таком смысле Ялтинская конференция – это: Ливадийский дворец, кресло-каталка Ф. Рузвельта, любимые папиросы И. Сталина, протоколы стенограмм заседаний. Но какова познавательная ценность таковой реальности? Ведь это комплекс предметов, которые некогда были, но от которых теперь остались лишь слова. Остался, правда, Ливадийский дворец, но он уже далеко не резиденция делегации США, а российский музей (рис. 11–13). Для чего нужна такая реальность? Разве она интересна сотням ученых, исследователям ЯК и миллионам туристов – посетителям Ливадии? Весь наш здравый смысл говорит: то, что бессмысленно, – то не реально. Как тут быть?

Усложняет проблему та простая истина, что язык – это *«не окно, через которое мы смотрим на мир, он, скорее, экран, на котором мир дан...»*²⁰. И не просто экран, а крайне субъективизированный фильтр, для описания функционирования которого понятия «правильное» и «адекватное» будут нелепостью. Ведь *«даже восприятие статичных, не зависящих от наблю-*

¹⁸ Юрченко С. В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. Симферополь, 2005. С. 9.

¹⁹ Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010. С. 136–142.

²⁰ Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб., 2014. С. 16.

дателя вещей всегда является аспектуальным: любое видение есть „видение как“»²¹. С другой стороны, профессиональные историки крайне болезненно относятся к любой субъективизации и феноменологизации исторической/национальной/народной памяти, деятельно разрабатывая вопросы профилактики процедур деонтологизации и деобъективизации исторической науки, а также исторического знания²². И их обеспокоенность нельзя не разделять.

Можно фиксировать, что игнорирование заявленных выше проблем, которое разумно сфокусировать в тезисе: «Происходит игнорирование дилеммы между реализмом и номинализмом», ведет к хаосу в исследованиях. Так, одни авторы излагают факты как реалисты, чтобы создавать доказательную базу в стиле номинализма. Быть последовательными номиналистами в подборке фактажа и оглашать результаты труда в стилистике реализма²³. Но полбеды, когда ошибаются ученые, хуже, когда в речах политиков, в публицистике, в массовом сознании вырастают химеры познавательных практик. Так, есть старый Ялтинский мир и новый, формируемый В. Путиным. Появился даже вполне устойчивый термин «Ялта-2»²⁴, основанный на гремучей и противоестественной смеси номинализма и реализма, при этом данной стилистикой пользуются как противники политики В. Путина²⁵, так и его умеренные апологеты²⁶.

Прежде всего, следует определить, что событие прошлого потому и прошлое, что его нет, оно – исчезло. В физическом пространстве как активная реальность оно не существует, творцы этой некогда реальности как физические тела, вне сомнения, не функционируют, а возглавляемые ими политические институты кардинально трансформировались в иное качество. Единственное, что существует в дне сегодняшнем из практик прошлого, это руины понятий, концептов, смыслов, которые мы можем раскапывать подобно археологам, извлекающим из-под тонн земли отдельные артефакты, и *конструирова* на их основе модели прошлой реальности. Другими словами, М. Фуко был, безусловно, прав, призывая изучать гуманитарное прошлое в формате «археология знания»²⁷. Следуя логике М. Фуко, вольно его интерпретируя и *выстраивая личную, авторскую дискурсивную формацию в своеобразной констелляции Ялтинской конференции*, возможно выделить перечень дискурсивных закономерностей Ялтинской конструкции *универсалии власти*²⁸.

1. *Единство дискурса*. В этом смысле уместно определить, как единство ментальности трех тел, авторов: И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта. Единство не столько личностей или детей определенной культуры (тут они полные противоположности с границами собственных сфер концептов), сколько единство профессиональных политиков, людей, которые несколько десятилетий находились на вершинах властных пирамид, в этой должности вступили в Великую войну и вынесли бремя ее тяжелых лет, *единолично* проводя свою волю и свое видение будущего в подчиненных им политических анклавах. При этом единство дискурса трех тел, которые в себе опредмечивали единство объединенных наций в образной верхушке пирамиды: «Большая Тройка».

²¹ Карабыков А. В. Логос и глагол. Символ, слово, речевое действие в культуре христианского средневековья. СПб., 2013. С. 19.

²² Суржик Д. В. История и миф: к постановке проблемы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1. С. 108–109.

²³ Мартынов А. Ялтинский мир – наилучший из всех возможных // Известия. 2015. 31 июля.

²⁴ Кривцу Д. «Кремль хочет «Ялту-2» // газета «День» 14 июня, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://day.kyiv.ua/uk/article/podrobysti/kreml-hoche-yaltu-2>; Почему у Трампа и Путина не выходит Ялтинская конференция-2? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rada5.com/articles/26561-pochemu-u-trampa-i-putina-ne-vyhodit-yaltinskaya-konferentsiya-2/>

²⁵ ЯЛТА-2. Русское зло подняло голову. После Минска Путин пойдет дальше [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2015/02/13/108033/yalta>

²⁶ Миру необходима Ялта-2? / Мир 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mir24.tv/news/society/12030658>

²⁷ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 35–36.

²⁸ Там же. С. 61–58.

2. *Дискурсивные формации*. Практически каждый, поднятый на конференции вопрос рассматривался, или, в терминологии М. Фуко, артикулировался²⁹, весьма самобытно и очень лично. Безразличия, использования шаблонных сухих фраз – не было. Более того, три группировки, три формации дискурсов очень причудливо переплетались в речах В. М. Молотова¹³, Э. Стеттиниуса¹⁴, А. Идена¹⁵. Присущее их шефам понимание понятий весьма своеобразно преломлялось во властном дискурсе вторых лиц делегаций. И в этом смысле Ялтинская конференция дает очень четкие и скульптурно (читай: телесно) видимые примеры диффузий дискурсивных формаций советского, британского и американского типа, века XIX и века XX.

3. *Формирование объектов*. Ялта-45 предлагает возможность увидеть процесс наполнения таких объектов, как «свобода», «этнос», «честь», «союзник», новыми смыслами и семантическими конструкциями. Новыми в том смысле, что три Великих Гроссмейстера Власти в феврале 1945 года в Ялте не сумели найти точки компромисса, работая со старыми смыслами указанных им объектов срочно, на протяжении всего нескольких дней. Зачастую им приходилось экспромтом «в черновую» наполнять ключевые объекты диалога содержанием, причем содержанием предметным и вполне верифицируемым. В многочасовых схватках за столом переговоров, в рамках личных бесед на банкетах, во время прогулок или поздравлений по случаю дня рождения (сохранились стенограммы тостов, мемуары невольных свидетелей диалогов). Изумительно то, что многие смыслы и многие видения властных объектов, созданные в Ялте «на скорую руку», стали на десятилетия образцом для последующих конструкций геополитического масштаба.

4. *Формирование модальностей высказывания*. Кто говорит, почему именно он, «Каков статус индивидов, которые имеют, причем только они одни, регламентированное или традиционное, юридически определенное или спонтанно допускаемое право на подобный дискурс?»³⁰; каково местоположение, откуда ведется речь, каковы позиции субъекта, что он может занимать благодаря образованию или физическому нахождению в физическом пространстве³¹.

5. *Формирование понятий*. Под этим обозначением понимаются разные формы последовательностей рядов высказывания, разные риторические схемы, благодаря чему мы можем до сих пор комбинировать группы высказываний (и благодаря чему Ялта-45 до сих пор не исчерпала своего полемического задора между идеологическими и политическими партнерами). Что позволяет упорядочивать дискурс? Какая реальность приводит разнообразные фразы, смыслы и концепты к системе, демонстрируя эффект поля присутствия? Что позволяло говорить участникам Ялты-45 так, а не иначе, понимать так, а не иначе? Что позволило оформить неомогутное по своей неограниченности поле сосуществования смыслов Ялты-45 (разнообразные стили, типы, логики, конструкты дискурсов, существующих в одной фразе, в одной юридической формуле, очевидно, противоречивые, но воспринимающиеся как эталон дипломатической логики)³². И наконец, процедуры вмешательства, своеобразная властная транскрипция, изменяющая форму решения, но сохраняющая суть. Перенесение определения из одного поля в другое и т. п.³³

Эти пять пунктов позволят реконструировать, *полноценно* реконструировать дискурс Ялты-45 в феврале 1945 года. Но что дальше? Ведь дискурс продолжает жить, и событие, происшедшее в феврале 1945 года, вновь и вновь возрождается в трудах политиков и трудах ученых, в трудах художников и трудах публицистов. Оно живет в международных политических дискурсах ООН, в общественном сознании, школьном воображении, а значит, Ялта-45, как

²⁹ Фуко М. Археология знания. С. 88–89.

³⁰ Фуко М. Археология знания. С. 112–113.

³¹ Там же. С. 116–117.

³² Там же. С. 122–125.

³³ Там же. С. 127–128.

универсалия власти, может и должна служить эталоном для построения историософии власти¹⁶ XX века, и также значит, что она не может ограничиться выделенными 5 пунктами?

Вне всякого сомнения, для понимания дискурсивных практик *после 1945 года, а значит, и для данной монографии*, особое значение представляет заключительный пункт из системы археологии М. Фуко.

6. *Формирование стратегий*. То есть определение этапности и процессуальности формирования стратегий понимания происшедшего, их осмысление и освоение. Важное значение имеет выявление *точек дифракции*: в формате точек несовместимости (два понятия одного дискурса не могут войти в один ряд в силу их несовместимости), затем эквивалентности (тип «или», «или» – несовместимые элементы, появившиеся в одной формации, сформированные одним способом, но вместе не могущие сосуществовать). И, наконец, в формате *точек сцепления*¹⁷ определенной систематизации (налицо – псевдореальность, когда сцепление несовместимых и противоречивых точек дает представление об их решающем значении, об их изначальном псевдоединстве и будто бы то, что они являются первичным изначальным материалом; на самом деле это поле *возможных* предпочтений и материал для различных и несовместимых реконструкций той, неведомой нам первореальности)³⁴.

Именно шестой пункт является той осью, вокруг которой движется наш анализ формирования особых ялтинских смыслов в формате историософии, что и явилось триумфом советской власти. Актуализация именно шестого пункта в заявленной нами схеме не случайна. Начиная с 2015 года, года 70-летнего юбилея Ялтинской конференции, развернулись нешуточные словесные баталии вокруг Крымской конференции. Удары по ключевым игрокам власти наносятся не напрямую, а посредством дискредитации или, наоборот, всяческой пролонгации Ялтинских соглашений, Ялтинского мира, Ялтинской логики власти. Учтем, что прагматичные акторы власти никогда не идут на отчаянные и неэффективные шаги. А теперь зададимся вопросом: «почему их удару (начиная с 50-х годов) подвергается именно Ялта?»³⁵ Видимо, потому, что слом и трансформация этой *универсалии* неизбежно приведет к трансформации устоявшихся дискурсов власти: слабые станут еще слабее, а сильные еще сильнее. Риторика о пересмотре границ в Европе, игнорирование роли ООН, демагогия вокруг понятия «агрессор» – это не полный перечень точек сцепления ялтинского дискурса, которые сейчас активно пытаются видоизменить. Этап создания иллюзий, миражей; гальванизация престарелой феи Морганы идет полным ходом. Парадоксальный факт! Специалистов-историков, профессионально изучающих Крымскую конференцию, нет. Есть политологи, философы и журналисты, а историков нет. На постсоветском пространстве нет *ни одной* защищенной диссертации, полностью посвященной Ялтинской конференции. Количество научных исторических монографий не превышает пяти единиц. За последние 25 лет вышло только два сборника документов³⁶. (Имеются в виду издания с научной атрибуцией источников, выполненных профессиональными коллективами на основании разнообразного архивного материала; интернет-публикации отдельных документов или их комплексов без существенной научной экспертизы в расчет не принимаются; статистика последних подробно изложена в моей статье³⁷

³⁴ Фуко М. Археология знания. С. 138–139.

³⁵ Сосинский С. Б. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970. С. 4–24; Бережков В. М. Ялтинские решения и современность // Новое время. 1975. № 5. С. 21

³⁶ Крымская конференция 1945 года в воспоминаниях и документах / сост. Е. Дорошенко, О. Шамрин. Симферополь, 2006; Ялта-45. Начертания нового мира...

³⁷ Шевченко О. К. Публикация источников по Ялте-45: квантированный анализ печатных материалов Российской Федерации и Украины в 1991–2014 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 142–153.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.